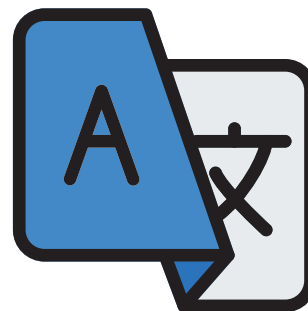

ВИКТОР ПРОКОФЬЕВ,
независимый переводчик (Лондон)

Трудности юридического перевода, или Как не ошибиться с выбором переводчика

53 % опрошенных нами консультантов для устных слушаний в международных арбитражах привлекают переводчиков. О роли переводчика в международном арбитражном процессе и его правильном выборе, а также об интересных случаях и жизни мы попросили рассказать Виктора Прокофьева, независимого переводчика, окончивший факультет международного права МГИМО, имеющего опыт работы в ООН и МИД. В разные периоды он был личным переводчиком Горбачева, Ельцина, Черномырдина, Шеварднадзе, переводил Никсону, Рейгану, Бушу-старшему, Клинтону, Тэтчер.

Загадочные фигуры для одних, незаметные и проходные для других, переводчики — кто они?.. Переводчики, прежде всего устные, — это такие же члены команды-участницы арбитражного процесса, как и юристы. Известно много случаев, когда неудачный перевод приводил к приостановке слушаний для замены переводчика. Бывало и обратное: дававшие показания эксперты по российскому праву по завершении перекрестного допроса говорили, что, по их мнению, в исполнении переводчика их показания по-английски звучали чуть ли не лучше, чем в русском оригинале.

В основных мировых центрах международных третейских разбирательств «с русскоговорящим элементом» — Москве, Лондоне, Стокгольме, Париже, Цюрихе, Сингапуре и прочих — резко преобладает языковая комбинация «русский — английский». Бывают вкрапления французского, испанского и немецкого (причем как «высокого» немецкого, так и его швейцарского и австрийского вариантов, иногда требующих привлечения разных переводчиков), поэтому в предлагаемом материале учтена и эта специфика.

Перевод синхронный или последовательный

На судебных и арбитражных слушаниях используется либо синхронный, либо последовательный перевод. Сравнительные преимущества и недостатки этих двух способов в целом понятны: синхронный перевод (в режиме реального времени с использованием звуконепроницаемой кабины, микрофонов и наушников) позволяет экономить порядка 80 % времени, последовательный увеличивает время допроса в 2–2,3 раза. При синхронном переводе переводчик редко имеет возможность переспросить оратора, если что-то не ясно, при последовательном он сидит рядом со свидетелем и в случае необходимости может что-либо уточнить (выступающий всегда в большей или меньшей степени волнуется, поэтому его фразы зачастую строятся нескладно). Кроме того, последовательный перевод позволяет свидетелю, в какой-то степени знающему английский, подумать, пока вопрос адвоката или арбитра переводится ему на русский.

При последовательном переводе переводчику важно обладать навыками записи, которую часто ошибочно называют «стенографией». Это не совсем верно, поскольку переводчики используют особую систему значков и символов. Данный навык полезен, если оратор говорит большими, сложными периодами и останавливать его по той или иной причине невозможно. Основные юридические переводчики в упомянутых юрисдикциях способны обеспечивать как синхронный, так и последовательный перевод, причем последний — с записью.

По каким же критериям можно оценивать переводчиков, где их искать, и какие требования предъявлять к ним?

Образование переводчика

В идеале юридический переводчик должен иметь как лингвистическое, так и юридическое образование. Однако таких специалистов крайне мало, всего два-три человека. Найти столь квалифицированного переводчика трудно — его график распisan на месяцы, а то и на годы вперед. В связи с этим нужно учитывать следующее. Переводчик должен как минимум хорошо разбираться в основных правовых категориях и концепциях, причем как континентального, так и общего права. При переводе часто приходится проводить параллели, например между российским понятием «субъективной стороны деяния» и английскими «mens rea» или «state of mind» («guilty mind»). Это нужно для выбора наиболее точного по смыслу варианта перевода и на случай, если арбитр попросит пояснить, почему тот или иной термин переведен именно так.

Так, за последние три-четыре года в одном только Лондоне на разных третейских разбирательствах (в основном в LCIA) как минимум трижды возникал горячий спор по поводу перевода на английский русского термина «выкуп». Всякий раз переводчик должен был объяснять — сначала допрашивавшему свидетелю адвокату, а потом и арбитрам в порядке уточнения, — что в зависимости от конкретного правового сценария этот российский термин может переводиться и как buyback (выкуп обществом своих акций у акционеров), и как buyout (выкуп одним акционером у другого — например, в порядке реализации преимущественного права приобретения), и просто как acquisition или repurchase (выкуп чего-то, ранее проданного), и даже как redemption (выкуп паев фонда). От правильного перевода, а также от уверенного и убедительного объяснения, а подчас и отстаивания переводчиком своей

От правильного перевода, а также от уверенного и убедительного объяснения, а подчас и отстаивания переводчиком своей позиции зачастую зависел исход того или иного эпизода дела

позиции зачастую зависел исход того или иного эпизода дела.

Неоднократно на слушаниях возникали вопросы по поводу различий между нашими терминами «вещное право» и «обязательственное право». Переводчик должен знать, что английские юристы эти категории понимают, но сами обычно ими не мыслят. «We think in terms of remedies», — говорят они. Однако переводчику необходимо переводить это (за неимением лучшего помогает латынь — «*ius in rem* и *ius in personam*»).

Известен случай, когда на арбитражном процессе допрашивали эксперта по российскому праву. Речь зашла о наших трех компонентах права собственности, и арбитры «застряли» на «праве распоряжения», которое иногда (не совсем удачно) переводят как «*disposal*», или «*disposing of...*» (для английских юристов это скорее «отчуждение», иногда даже просто «продажа»). Окончательно запутавшись в концепциях, председатель попросил переводчика объяснить, что буквально означает этот термин по-русски. Переводчик, в свою очередь, вежливо пояснил, что в данном случае буквальный перевод как раз вреден.

Наконец, приняв во внимание юридическое образование переводчика, председатель фактически на полминуты превратил его в эксперта. Услышав, что под распоряжением понимается фактически право определять правовую судьбу вещи и что по-английски это точнее было бы перевести как «*disposition*», или же снова по-латыни — «*ius disponendi*», арбитры разрешили переводчику снова стать только переводчиком. Юристы с обеих сторон возражений не заявляли.

Знание переводчиком других языков

Знание иных языков кроме английского бывает важным, но нечасто. На недавнем процессе «Батурина против Чистякова» в Высоком суде Лондона экспертом по оценке недвижимости выступал марокканец. Говорить ему приходилось на английском, и он попросил, чтобы рядом с ним сидел переводчик со знанием французского (это был его

второй родной язык). Почему-то все это выяснилось только в последний момент, и сесть пришлось мне. Надо было неоднократно подсказывать свидетелю французские эквиваленты терминов, значение которых по-английски он понимал с трудом. Без такой подстраховки со стороны переводчика допрос в тот день скорее всего не состоялся бы.

На одном из арбитражных процессов, проходившем на английском языке в Женеве с участием российской и испанской компаний, испанский юрист часто до неузнаваемости коверкал английские термины. В частности, слово «*third*» выходило у него как «*turd*» (что особенно пикантно для англичан). Трудности с пониманием его английского возникали не только у переводчика. Однако адвокаты сторон и арбитры могли промолчать, переводчику же неизбежно приходилось что-то говорить. Был выработан некий *modus operandi*: мне иногда нужно было предлагать испанскому юристу повторить свою фразу по-испански. Все остальные в зале вынуждены были принимать на веру то, что услышал переводчик. Коммуникация восстанавливалась.

Количество переводчиков

Юристам, нанимающим команду переводчиков, важно определиться с тем, сколько переводчиков им нужно и есть ли какие-то формальные признаки, по которым имеет смысл отбирать таковых. Рекомендовать можно следующее. При синхронном переводе должно быть не менее двух переводчиков. Вряд ли кто-то способен качественно синхронить в течение более чем 15–45 минут. На рынке бытуют истории про то, как некто в одиночку вел синхронный перевод в течение всего дня. Правда, о качестве перевода при этом скромно умалчивается.

При последовательном переводе, в принципе, имеется некоторое временное пространство для маневра: физически выносливый и профессионально подготовленный переводчик может выдержать два заседания в день — утреннее и послеобеденное (с перерывом на обед). Тем не менее природу не обманешь: после двух-трех часов последовательного перевода неизбежно наступает усталость, губительно сказывающаяся на качестве перевода. Поэтому исходя из имеющегося опыта отмечу, что даже для последовательного перевода целесообразно брать команду как минимум из двух переводчиков, особенно если слушание будет длиться более одного-двух дней.

Критерии выбора переводчика

Есть ли какие-то формальные признаки, по которым можно отбирать переводчиков? В большинстве юрисдикций никаких формальных требований к лицензированию и прочим «степеням допуска»

нет. Если в государственных судах зачастую предъявляются требования найма переводчиков только из некоего государственного реестра, то в судах третейских подбор переводчиков полностью остается на усмотрение нанимающих их юристов.

В редких случаях нанять переводчиков помогает институциональный арбитражный орган (LCIA такую услугу оказывает), еще реже арбитры могут выразить желание (причем весьма настоятельно) видеть переводчиком такого-то человека. В целом же все отдается на усмотрение команды юристов — часто в лице паралигалов и младших ассоциатов (если не персональных ассистентов старшего партнера).

Одним из признаков (но ни при каких обстоятельствах не определяющим и не главным) может служить членство в Международной ассоциации переводчиков конференций, более известной под французским наименованием АПС. Данная ассоциация представляет собой скорее «профсоюз переводчиков», занимающийся разработкой норм данной профессии (кодекса этики) и повышением профессионализма своих членов. Абсолютной гарантией качества работы переводчика членство в АПС не является, но некоторую уверенность юристам дает.

Важен ли опыт работы в ООН, Совете Европы и прочих «тяжеловесах»? Как отдельно взятый навык, — пожалуй, нет. Например, в Совете Европы профильная тематика переводов относится к чисто политической области (правам человека и демократии). И не факт, что набивший руку именно на этой тематике переводчик справится с работой на сложном коммерческом арбитражном процессе. Даже работа в ЕСПЧ не дает набора навыков и опыта, необходимых для осуществления перевода на слушаниях в коммерческом арбитраже.

Специфика найма переводчиков через агентство

Переводчиков нанимают и через агентства (бюро переводов). Это возможный путь, прежде всего для осуществления письменного перевода в большом объеме и при высокой срочности, но надо иметь в виду следующие три обстоятельства:

- 1) далеко не все из лучших переводчиков работают с агентствами;
- 2) не все агентства достаточно разбираются в профессиональной квалификации и специализации переводчиков, а также не всегда владеют темой работы (там с клиентом по телефону разговаривает менеджер);
- 3) агентства — это прежде всего коммерческие бизнес-единицы, маржа которых достигает 60 %. Основным способом получения установленной нормы прибыли для них зачастую является поиск клиентов, готовых много пла-

тить (в рассматриваемом случае — юридических фирм), и переводчиков, готовых работать за малые деньги. Про качество в данной ситуации думают не в первую очередь.

Некоторые агентства позиционируют себя как универсалов, предлагая любой перевод (письменный и устный) в любой сфере (право, финансы, биология, нефть, медицина и др.) Чудеса, конечно, бывают, но редко. У некоторых агентств, заявляющих юриспруденцию в качестве своей профильной сферы, уже на сайтах обнаруживаются юридические неточности: например, «нотариальное заверение» вместо «удостоверение» и пр.

Даже для последовательного перевода целесообразно брать команду как минимум из двух переводчиков

Рассмотрим еще два взаимосвязанных вопроса: стоит ли юридическим фирмам сочетать в одних руках письменный и устный перевод и целесообразно ли поручать одной и той же команде переводчиков работу собственно на процессе, а также на встречах с клиентами, при подготовке свидетелей к даче показаний в арбитраже (например, с привлечением известной фирмы Bond Solon) и т. п?

Не все переводчики, владеющие навыком устного перевода, берутся за перевод письменный, у многих из-за загруженности устной работой просто не остается на это времени. Не каждый переводчик и даже не всякая команда переводчиков способны в течение ночи осуществить перевод, сверку и считку письменных показаний свидетеля в объеме 100 страниц, чтобы уже утром представить результаты проделанной работы. В таких случаях как раз весьма востребованы и полезны переводческие агентства.

Но здесь, наверное, даже более важен еще один параметр: в нашей практике было немало случаев, когда либо адвокаты противоположной стороны, либо председатель состава арбитража просили уточнить, кем сделан тот или иной письменный перевод (уточнить было легко, поскольку на переводе стояла личная печать переводчика) или кто работал со свидетелем при его подготовке. А затем переводчику, под присягой признавшему, что это он осуществлял перевод и/или работал со свидетелем, заявляли отвод от участия в слушаниях. Таким приемом нередко пользуются для того, чтобы исключить качественно работающего переводчика из процесса.

Юристам, нанимающим переводчиков, следует помнить об этих нюансах и в каждом отдельном случае принимать так называемое информированное решение. Одним из вариантов может стать совместный наем сторонами спора команды переводчиков, осуществляемый по взаимной договоренности. Это не только снимает подозрения в ангажированности, но и позволяет сторонам разделить расходы на перевод. Так, в длившемся несколько месяцев процессе с участием Березовского и Абрамовича команду из шести переводчиков нанимали совместно пять юридических фирм, представлявших разные стороны в деле: Freshfields, Hogan Lovells, Addleshaw Goddard и др.

Целесообразность дачи показаний на английском

Заговорив об этом громком процессе, остановимся ненадолго и на другом щекотливом для юристов вопросе: стоит ли юридическим фирмам соглашаться с тем, чтобы их клиент давал показания в арбитраже на английском? Березовский, как известно, к совету своих юристов из Addleshaw Goddard не прислушался и в суде говорил именно на этом языке. До сих пор, по прошествии уже семи лет, между юристами и переводчиками все еще продолжают споры о том, способствовало ли данное обстоятельство поражению Березовского на процессе.

Хотелось бы отметить, что при прохождении курса устного перевода у профессиональных переводчиков специально вырабатывают навык быстро извлекать из памяти нужные термины, многие из которых уникальны и не имеют синонимов. Если собственность «общая долевая», то назвать ее «общей совместной» нельзя — теряется смысловозначительное значение важных правовых концепций. Не владеющий данным навыком специалист, как говорят англичане, часто settles for second best. Даже неплохо, а иногда и превосходно говорящий по-английски

человек может, забыв нужное слово, заменить его вторым по значению, что далеко не всегда целесообразно, а порой и губительно. Лучше доверить это дело специально обученным людям.

Особенности построения и произнесения фраз Березовским известны. В порядке курьеза вспоминается случай, когда он в течение пяти дней давал в суде показания на английском, но ближе к концу недели устал и начал чаще, чем обычно, раздражаться. Понимая, что не всегда улавливает нюансы английских вопросов (а допрашивал его Jonathan Sumption QC, ныне Lord Sumption, член Верховного суда Соединенного Королевства), Березовский попросил, чтобы один из переводчиков сел рядом с ним и при необходимости помогал. Двое других при этом синхронно переводили в кабине на русский — их слушал Абрамович (заметим к слову, что на слушаниях таким образом в это время работала команда из троих переводчиков).

В один из дней сестра рядом с Березовским выпало мне. Во время перерыва он повернулся и отрывисто спросил: «Как по-английски будет „пугало“?». Я «на автопилоте» ответил: «Scarecrow». Он записал и повторил, но при этом искажил произношение. Чувствуя назревающую проблему, я спросил: «Простите, а зачем вам «пугало»? В какой фразе вы хотите употребить это слово?». Его ответ: «Ну ты что, не понимаешь? Рома пришел ко мне и, используя, сам понимаешь кого в качестве пугала, вынудил меня продать акции «Сибнефти» за бесценно!» Я тут же вежливо объяснил ему, что слово «scarecrow» означает «пугало, стоящее в огороде» (Страшила) и для перевода нужной ему метафоры не годится. Англичане в таком случае используют слова «bogeypan» или «bugbear». Он записал себе «bogeypan», но в ходе допроса произнес его как «buggy-man». Судья Глостер вопросительно посмотрела на меня, и мне пришлось перевести эту фразу вслух.

Немаловажны при выборе переводчика и его личные качества, такие как выносливость, непоколебимость, учитывая выдержанность, способность отстаивать свое толкование фраз и слов при переводе. Имеет значение и позитивный настрой — сколько раз приходилось слышать от юристов, что переводчик мямлит, нудит, не может ни на что решиться, придирается к мелочам...

Популяция юридических переводчиков в мире распределена весьма неравномерно. Например, в таких важных центрах, как Женева и Париж, профессионалов со знанием юриспруденции практически нет. Многие юридические фирмы приглашают их из Лондона, благо расходы на дорогу оттуда минимальны. Приглашают их даже в Стокгольм, несмотря на то, что там с английским и шведским профессионально работает один местный переводчик (правда, он не юрист).

Не расставляя никого по ранжиру, и вне привязки к конкретным юрисдикциям можно перечислить и рекомендовать таких переводчиков (здесь и Москва, и Лондон, и Париж, и Вена, и Киев, и Вашингтон), как Максим Сидоров, Андрей Семенов, Анатолий Бересневич, Евгений Артемов, Елена Шуклина, Максим Козуб, Виктор Прокофьев, Елена Эдвардс, Елена Хоришко, Хелена Бейлис, Анна Керод, Наташа Уорд, Юрий Сомов, Сергей Михеев. Данный список далеко не исчерпывающий. Некоторые из названных специалистов имеют высшее юридическое образование, некоторые — просто большой опыт работы в этой сфере.

Подготовка переводчика к слушаниям

В ходе работы с переводчиком до начала и в процессе слушаний очень важно предоставить ему подготовительные материалы. В идеале необходимы Pleadings (Particulars of Case, Defence and any Counterclaim, Reply etc...), the relevant Witness

Statements & Expert Witness Reports, Chronology, Openings and Closings, Dramatis Personae, any Skeletons, agreed Glossaries of Terms etc, причем как на английском, так и на русском языке. Предоставлять материалы нужно с хорошим запасом по времени, так как в зависимости от сложности фабулы переводчик способен внимательно прочитать не более 10–50 страниц в час.

Важно также обеспечить общение юристов с переводчиками во время процесса, ведь последние являются членами команды, и им нужно знать, например, порядок допроса свидетелей. Один из команды переводчиков может лучше разбираться в горной добыче, другой — в российском гражданском праве. Зная, когда кого будут допрашивать, они смогут эффективнее распределить нагрузку: речь эксперта по горной добыче переведет первый, речь эксперта по российскому праву — второй.

В заключение несколько слов о людях, работающих на процессе в тесной связке с переводчиками, — стенографистах (составителях протокола или стенографического отчета о заседании). Их протокол можно в режиме реального времени выводить на компьютерный экран с использованием системы LiveNote. При необходимости экраном пользуются как юристы, так и переводчики. Это хорошее подспорье в работе.

Такие специалисты, как и переводчики, — продукт штучный, и также работают на разном качественном уровне. Переводчики, как правило, хорошо их знают и могут порекомендовать юристам. Известностью пользуются такие фирмы, как Eriq и Opus. Последнее время юристы все чаще применяют систему Magnum, позволяющую выводить на экран любые материалы: письменные показания свидетелей, приложения к ним, видео, фото, графики, протоколы предыдущих дней заседания и пр.